

«Однако, возможно, все тревоги и сомнения Фу-ваня были напрасны. Ведь его местонахождение никогда не было тайной для Святого Предка. Когда Высокий Предок внезапно скончался, Фу-вань находился далеко на границе — вмешаться он действительно не мог. К тому же как раз началось новое вторжение ди, и пограничные земли окутали дым войны.

Два года службы на границе, два года общения с солдатами и простыми людьми научили его одному: звание великого полководца — это не просто громкое имя и почести, а тяжёлая ответственность.

Только взяв на себя долг защищать народ за своей спиной и охранять целостность земель, он станет по-настоящему достоин этого звания.

Он считал, что возвращение в столицу именно сейчас лишь создаст трудности для только что взошедшего на престол Святого Предка. Поэтому в итоге решил остаться в армии, сохраняя инкогнито и продолжая сражаться».

Один из суровых на вид цзяньюйши (императорских цензоров) так и не сдержался:

— Когда император отошёл к предкам, как может сын не вернуться в столицу для соблюдения траурного ритуала? Это разве порядок?!

Его коллега мягко потянул его за рукав:

— Тише! Сам Его Величество ничего не сказал... К тому же Небесный экран повествует о будущем. И тогда Святой Предок знал об этом и не стал взыскивать.

Но старый цензор лишь разгорячился ещё больше:

— Даже так я должен сказать! Почтение к родителям — основа всех добродетелей! Какими бы ни были обстоятельства, не вернуться в такой момент — значит, нарушить долг сына!

Некоторые чиновники молчали. Они понимали, что в условиях военной угрозы человек порой не властен над собой, но всё же — не явиться на похороны отца... с точки зрения ритуала это неоспоримый изъян.

— Увы... с древних времён трудно совместить верность государю и почтение родителям.

— Если бы это было возможно, в истории не было бы стольких трагедий на пограничных землях.

Тихие перешёптывания долетели до Фу-ваня. Он растерялся: и будущий он сам поступал так, и

нынешние чиновники осуждают подобное поведение. Инстинктивно он посмотрел на своего десятого брата.

Ли Чжао чуть повернулся, загораживая его от шума споров:

— Пока отец ничего не сказал, тебе не стоит обращать внимания на то, что говорят другие. Даже если цензоры подадут доклад, это будут лишь пустые слова, которые не причинят тебе вреда. Ты — принц крови, а они — подданные. Как бы ни разгоралась полемика при дворе, никто не посмеет прямо в лицо тебя упрекать.

Это был личный опыт Ли Чжао: сколько бы его ни обличали цензоры, они всё равно обязаны были кланяться ему с должным почтением.

Он помолчал, бросил взгляд на молчаливого отца и добавил:

— Что до отца... будущий великий полководец Севера сделает его гордым.

— Правда? — с сомнением спросил Фу-вань.

Все в дворце знали, как отец выделял десятого сына. Что бы тот ни натворил, император всегда легко прощал ему.

С другими детьми, включая его самого, отец не был жесток — просто относился к ним скорее как государь к подданным: строго, справедливо, но без той особой поправки.

Фу-ваню это не казалось обидным. После ухода матери он рос под опекой десятого брата — то явной, то скрытой. Эта забота заполнила многие пустоты.

Он взглянул на спокойный профиль Ли Чжао — и тревога в сердце немного улеглась.

«Когда же он наконец, собрав всю волю в кулак, вошёл в столицу и, дрожа от страха, предстал перед братом, его встретило не гневное наказание и не холодная официальность „государь — подданный“.

Святой Предок принял его с добротой. Узнав о чувстве вины Фу-ваня, он раскрыл ему всю правду. Хроники записали: „Святой Предок беседовал с Фу-ванем наедине; Фу-вань обнял государя и зарыдал. Прекрасная легенда“.

Этот разговор рассеял туман недоверия между братьями и разрушил абсурдные слухи, будто Святой Предок замышлял гибель младшего брата.

Ха-ха! Едва ли не только Святой Предок способен заставить того, кто не моргнув глазом шагает сквозь горы трупов, заплакать на глазах у всех!

Что ж, на этом мы пока завершим рассказ о взаимоотношениях братьев Святого Предка и Фуваня».

Ли Чжао с облегчением выдохнул, услышав насмешливый тон Небесной Гостьи. Наконец-то эта тема закрыта. Он и вправду плохо умеет утешать — особенно когда речь идёт об одиннадцатом, который обычно самодостаточен и в утешении не нуждается.

Был ли одиннадцатый неправ? С точки зрения ритуального «почтения родителей» — да, безусловно. Но был ли он неправ, когда долг перед отцом вдруг вступил в конфликт с долгом перед государством, с жизнями тысяч солдат и судьбой фронта? Он выбрал то, что в тот момент казалось важнее.

Кто из сторонних наблюдателей имеет право легко судить о подобном выборе? Останется только узнать, как сам будущий одиннадцатый воспримет свой поступок. А его задача как старшего брата — снять с него этот груз вины, чтобы тот мог свободно парить, как орёл.

Образ на Небесном экране сменился: теперь перед глазами развернулись горные хребты, покрытые туманом. Музыкальное сопровождение стало таинственным и напряжённым.

— Что это за местность? — прищурился один из чиновников.

Его сосед, ранее изучавший карты пограничных земель, уверенно произнёс:

— По этим крутым склонам, глубоким ущельям и густым лесам — почти наверняка Юйнань.

— Юйнань? — удивился первый. — Значит, снова речь пойдёт о той самой бывшей ци-ваньфэй?

— Тс-с! — тут же предостерёг его коллега. — Осторожнее! Какая ещё ци-ваньфэй? Ци-ванский дом давно пал. Та женщина сейчас служит в столичном гарнизоне. Хотя... как государь допустил женщину в военный лагерь — это и впрямь загадка.

«Итак, северная история на время завершена. Обратим взор на юг. Помните ту, что отомстила за свою обиду и скрылась с дочерью?

Куда она направилась?

Ответ: верно — в Юйнань.

Для неё пламя мести не угасло даже после падения Ци-ванского дома. Ци-вань был лишь одним из тех, кто стоял за кулисами и свёл её семью в могилу.

Другим виновником была банда бывших мятежников прежней династии, засевших в Юйнане. Без возмездия этой боли не изжить.

Поэтому она решительно повернула на юг и проникла в эти труднодоступные земли, куда власть двора едва доходила.

— Ох! — на улице старик с козлиной бородкой покачал головой. — Вот оно, истинное коварство женской натуры!

Не успел он договорить, как мимо проходила молодая женщина. Она резко обернулась:

— Она мстит за кровавую обиду! Какое это имеет отношение к вам? И почему вы сразу клеймите это „женским коварством“? Неужели, если вашему дому грозила бы подобная беда, вы стали бы встречать убийц ваших родных с почётом и благодарностью?

Старик покраснел от злости:

— Как ты смеешь проклинать мой дом?! Это нелепо!

— Нелепы, — холодно парировала девушка, — те устаревшие взгляды, что при виде мести называют её коварством, а женщину, вступившую в борьбу за справедливость, объявляют нарушительницей нравов.

Усы старика задрожали. Он резко махнул рукавом:

— Бессмыслица! Я не стану спорить с тобой! „Женщины и мелкие люди трудны в обращении: приблизишь — станут дерзкими, отдалишь — обидятся“, — как верно сказал Конфуций![1]

— Ха! — усмехнулась она. — Эти слова Конфуция — частное замечание или общее правило? Если следовать вашему толкованию, все женщины „трудны в обращении“. Тогда как быть с нашими бабушками и матерями, что растили и воспитывали нас? Неужели и вы сами рождены „трудной“ женщиной?

— Ты... ты искажаешь смысл! — захлебнулся старик, не найдя ответа. Он громко фыркнул и, сердито оттолкнув толпу, быстро ушёл, оставив за собой комичный след обиды.

Этот короткий спор на улице привлёк внимание окружающих зевак. Увидев, как старый зануда проиграл, многие громко зааплодировали:

— Верно сказано!

— За кровавую обиду мстить — святое дело!

— Этот старикан слишком отстал от времени!

Реакции в толпе разнились. Некоторые, одетые в длинные халаты учёных, покачивали головами — им казалось, что речь девушки была слишком резкой, лишённой сдержанности.

Другие задумчиво молчали, третьи нахмурились, сочтя её поведение вызывающим.

«Понаблюдав некоторое время, она задумалась: как действовать дальше?»

Проникнуть в лагерь мятежников в качестве шпиона? Но её лицо там узнают, да и в одиночку — всё равно что бросаться головой о стену. Что делать?

Здесь и проявилась проницательность генеральши Фэн: она быстро разобралась в расстановке сил в Юйнане. Этот регион не был единым целым.

Высокие горы и ядовитые испарения создавали естественный барьер. А внутри него, помимо мятежников, жили многочисленные местные племена, веками жившие на этих землях и поклонявшиеся разным тотемам».

На экране появилась схема: чёрные метки (мятежники) и цветные (племена) чередовались, между ними мигали трещины.

«Отношения между местными племенами и „пришлыми“ мятежниками были крайне натянутыми. Земли, ресурсы, влияние... Почему чужакам делить то, что принадлежит им? Внешнее согласие скрывало глубокий разлад — трещины в интересах уже давно зияли.

Увидев это, Фэн Юйфэй приняла решение. Она начала тихо укореняться среди гор и племён Юйнаня, налаживая связи с внешним миром. Благодаря исключительной смелости и проницательности, она постепенно освоила местные правила и осторожно начала строить собственную сеть влияния — в ожидании подходящего момента.

Это ожидание длилось долго. Годы текли незаметно, пока стрелка времени не остановилась на седьмом году эпохи Тяньци».

— Ого, — подумал Ли Чжао, — получается, почти девять лет. Такая выдержка и характер... с таким можно добиться чего угодно.

«Что же изменилось в этот момент? Многократно путешествуя между Юйнанем и Великой

Шэн, Фэн Юйфэй заметила тонкое, но, возможно, решающее изменение: знаменитый „смертоносный туман“ Юйнаня, вселявший ужас в сердца, постепенно слабел!

Она не знала глубинных причин, но её инстинкт и боевой опыт подсказывали: вот он — тот самый шанс, которого она ждала. Перемена климата стала её союзником!

Теперь вы, конечно, понимаете почему — да, снова то же самое: зона осадков сместилась на север! Климат Юйнаня стал чуть суше.

Те самые „ядовитые испарения“, о которых ходили легенды, на самом деле были густыми туманами, рождавшимися в условиях экстремальной влажности и густых джунглей.

Такая среда идеально подходит для размножения комаров. Древние люди не знали о микробах и паразитах, поэтому все лихорадки, ознобы и прочие симптомы списывали на „вдыхание тумана“.

Конечно, болезни могли быть вызваны и непривычной пищей, и климатом — всё это называли „болезнями тумана“, то есть тяжёлой формой непереносимости местных условий.

А теперь Небо словно убавило влажность — и туманы стали реже и слабее.

Фэн Юйфэй, возможно, не знала климатологии, но она уловила эту перемену. Та самая преграда, что веками останавли вала армии, теперь становилась преодолимой. Её месть наконец получила нужное топливо».

Авторская ремарка:

[1] Цитата из «Лунь Юй», глава «Ян Хо».

<http://bllate.org/book/17167/1607973>